

Русский народ в силу своей многочисленности и устойчивости менталитета вызывал в XX веке у всех реформаторов России наибольшее опасения по поводу осуществимости их замыслов. Пришедшие в 1917 году к власти большевики были проникнуты национальным нигилизмом, будущее человечества после мировой революции представляли исключительно безнациональным и одну из главных преград для себя на этом пути видели в русском национализме (“великодержавном шовинизме”). Его же усматривали практически в любом заявлении русских о своей национальной идентичности, в любом активном её проявлении и даже в пожелании (не говоря уже о требовании) предоставить русским в СССР *равные* права с другими народами.

Более того, если у последних вопреки коммунистическим теориям форсированными темпами выращивались национальные элиты, всячески поощрялось развитие национальной культуры и усиленно проводилась “коренизация кадров” (то есть насаждение представителей новых национальных элит на руководящих постах), то русские, как пишет историк А. К. Сорокин, “оказались под ударом так называемой позитивной дискриминации”. И если русская культура клеймилась как “культура угнетателей” лишь до начала 1930-х годов, то борьба с “великодержавным шовинизмом” определила поведение высших органов партии большевиков на долгие годы. “Коренизация, – замечает А. К. Сорокин, – во многих случаях привела к вытеснению русских из сфер управления в местах традиционного их проживания”. К тому же русским не только не была предоставлена собственная территория в виде национально-территориального образования, но в ряде случаев они своих территорий самым бесцеремонным образом лишались” (см.: Российская государственность: опыт 1150-летней истории. М., 2013. С. 317–319).

Важно отметить ещё одно обстоятельство: коммунистами был открыто взят курс на “денационализацию русской нации”, и, несмотря на кратковременные отступления от него (в годы Великой Отечественной войны или в ходе пресловутой “борьбы с космополитизмом” после войны), они в его реализации изрядно преуспели, хотя явно рассчитывали на большее. А потому даже в 1980-е годы, в конце правления “русский вопрос” представлялся руководству КПСС по-прежнему опасным, и методы его решения принципиально не менялись.

Одному из последних генсеков КПСС, Ю. В. Андропову, приписывают слова: “Главная забота для нас – русский национализм; диссиденты потом – их мы возьмём за одну ночь”. А незадачливый премьер-министр РСФСР А. В. Власов накануне кровавых межэтнических столкновений в Средней Азии и Закавказье, объясняя причины роста национализма в союзных республиках, не нашёл ничего лучшего, как “озвучить” старый большевистский тезис, согласно которому шовинизм у “малых” народов возникает, прежде всего, как ответ на шовинизм представителей “большого” русского народа (Известия. 1989. № 245).

Весьма откровенными бывали в своих высказываниях по “русскому вопросу” и некоторые деятели советской науки, причастные к выработке принципов национальной политики в СССР. Так, член-корреспондент АН СССР, главный редактор журнала “Советская этнография” К. В. Чистов заявил на одном из “круглых столов”: “Если, например, у меня отец татарин, а мать якутка, я должен иметь право называть себя якутом или татариним. А если я денационализировался, то могу называть себя и русским” (Вопросы истории. 1989. № 5. С. 16). Заметьте – если денационализировался, а не проникся, скажем, русской культурой, русской ментальностью.

Так что не случайно до 1990-х годов слово “русский” в СМИ при каждой возможности заменялось на “советский”. Показателен и такой казус: в учебниках и детских книгах, посвящённых “нерушимой дружбе народов СССР”, представители каждого народа изображались в своих национальных костюмах, и только русские – просто в школьной форме...

В 1990-е годы власть в стране оказалась у “неореволюционеров либерального толка” (определение писателя П. И. Ткаченко). Резко критикуя “коммунистический режим”, эти “радикал-демократы” в то же время в национальной политике придерживались практических того же “большевистского” курса, а по ряду направлений даже усилили его. “Пролетарский интернационализм” и “буржуазный космополитизм” с его “приматом общечеловеческих ценностей” на поверку оказались ответвлениями одного и того же течения политической мысли. “Дерусификация русских” продолжилась, приобретая всё более изощрённые формы, порой плохо стыкующиеся, но единые в своей сути. Причины подобного отношения наших реформаторов к “государствообразующему этносу” России особо ими и не скрываются. Как заявил, например, один из них – И. Юргенс – “модернизации России мешают русские. Они архаичны. В российском менталитете общность выше, чем личность” (см.: Литературная газета. 2013. № 2-3. С. 3; № 6. С. 12).

Н. Ф. Бугай, вспоминая о своей работе в Министерстве по делам национальностей РФ, обращает внимание на то, что в 1990-е годы русские были выведены за понятие “национальное”, а попытки создания в структуре министерства Департамента проблем русского народа “завершились полным отрицанием существования русской этнической общности”, вследствие чего “русские как народ не были представлены даже в списке делегатов 1-го съезда Ассамблеи народов России” (см.: Национальный вопрос в истории России. М., 2015. С. 272-273, 278). И если “при коммунистах” слово “русский” в СМИ обычно заменяли на “советский”, то “при демократах” – на “российский”, а когда стало ясно, что замена эта не оказывает должного воздействия на сознание “россиян”, этому “неудобному” слову стали пытаться придать особый смысл, заявляя, что русские уже давно не обозначают определённую нацию, что это “вовсе не этнический признак”, а “общность людей, которые живут в России”, что “русский – это прилагательное, обозначающее принадлежность к территории”, “русский – это тот, кто любит Россию”, что “это не национальность, а состояние души” и т. д.

При таком подходе остаётся неясным, кого же тогда считать “россиянами” и почему из употребления напрочь исчезает понятие “обрусевший”, с помощью которого всё можно расставить на свои места, в том числе и для тех, кто, не являясь этническим русским, принимает русскую культуру и любит Россию.

На политической арене у нас в последнее время всё более заметны и такие “столпы либерализма”, которые, ничтоже сумняшеся, напротив, отказываются называть русскими тех, кто Россию, несомненно, любил и русским однозначно считался, но имел хотя бы одного нерусского предка. Так, известный философ и публицист А. С. Ципко пишет: “...У Деникина мать была полькой, у Лавра Корнилова – казашкой. Ещё меньше перспектив доказать

свою русскую принадлежность будет у потомка арапа Петра Великого Александра Пушкина, у полуполяка-полуукраинца Гоголя, у поляка по матери Николая Некрасова, и у еврея Фета, и Фёдора Достоевского, имеющего литовско-белорусские корни, и у Тургеневых, потомков татарских мурз... Карамзин был татарин, у Николая Бердяева бабушка была французенкой, Сергей Булгаков тоже был потомком татарских мурз... (Литературная газета. 2011. № 50. С. 3). О том, что “не были русскими” Андрей Боголюбский, Александр Пушкин, Василий Жуковский, Пётр Чайковский, Константин Циолковский, без обиняков заявляет газета “Аргументы и факты” (2011. № 42. Приложение “СтоЛИЧНОСТЬ”. Вып. 5. С. 8). Неужто стоящие на такой позиции мыслители полагают, что все остальные народы мира этнически абсолютно “чисты”, и всякий, кто называет себя немцем, финном, англичанином, поляком, латышом и т. д., не имеет никаких “инородных примесей”?..

Исходя из той же логики, некоторые журналисты и публицисты отказывают в “русскости” даже исконно русским городам и регионам, в том числе – Москве, поскольку-де у нее аж целых 10% (!) иноэтничного населения (Литературная Россия. 2012. № 11. С. 9).

Беспощадной критике подверг подобные воззрения поэт и публицист Игорь Панин. “Александр Дюма (старший) был квартирантом, то есть на 1/4 чернокожим. Тем не менее, – пишет И. Панин, – трудно представить современного француза... , который стал бы маниакально педалировать негритянское происхождение автора “Трех мушкетёров”...”. Отметив отсутствие “этнической чистоты” и у многих других классиков западноевропейской литературы, не мешающее им, тем не менее, считаться соответственно французами, немцами или англичанами, И. Панин недоумевает: “Вот у них Дюма со своей чёрной четвертинкой – француз. А у нас Пушкин с 1/8 африканской крови – непременно негр! И это при том, что в нём ещё и 1/8 немецкой крови (а 6/8, или оставшиеся 75%, – русской...) <...> Между прочим, – продолжает Панин, – по нюрнбергским расовым законам граждане Германии, имевшие 1/4 еврейской крови, евреями-таки не считались. Но то, до чего не додумались даже национал-социалисты, спокойненько так воплотили в жизнь либерально настроенные интеллигентно-антифашисты... Как видим, те, кто выступает против того, чтобы им замеры черепа, сами активно продельвают это с русскими писателями. Вьедливо подчитывают проценты крови, составляют какие-то списки...” По мнению Панина, “здесь не просто какое-то недоразумение, это целая идеология”, не глупость, “а вполне целенаправленные антирусские акции. Приятно же лишний раз напомнить русачкам, что нет у них ничего своего, что в этой стране всё создано пришлыми. Тут хлебом не корми – дай поглумиться” (Литературная газета. 2013. № 23. С. 4).

К критикуемому И. Паниным взглядам, как ни парадоксально, оказалась близка ещё одна, всё громче заявляющая о себе в последние годы “либеральная концепция”. Согласно ей, русской нации как таковой... вообще не существует.

“Почему вы всё время говорите о России как стране русских? Русские, нет вас!” – заявила как о чём-то само собой разумеющемся телеведущая Тина Канделаки, вызвав бурное обсуждение этих своих слов в интернете в 2011 году. Но апофеозом кампании по “доказательству” этой точки зрения явилась телепередача “НТВшники”, показанная на одноимённом канале в самом конце 2011 года. Ведущую роль в ней играл журналист Павел Лобков, а лейтмотивом ёрнических и эпатажных выступлений участников программы стало утверждение, что у русских ничего “своего” нет, всё заимствовано от других народов – и словарный запас, и архитектура, и музыка, и национальный костюм, и кухня... В том же духе выступил и представитель Министерства образования РФ В. К. Бацын, заявивший, что “вообще у русских не было никогда ни своей истории, ни языка, ни своей музыки” (см.: Бугай Н. Метеоролог, историк: штрихи к портрету. М., 2017. С. 331–332). Опровержения этой “системы доказательств” в печати не заставили себя ждать (см.: Литературная газета. 2011. № 52. С. 10), но дело здесь не в аргументации НТВшников и К⁰, а в самом их подходе к избранной теме: П. Лобков и его единомышленники, похоже, хотели убедить телезрителей, что лишь тем, кто называет себя русскими, были свойственны (надо полагать, в силу этнической неполноценности) культурно-бытовые заимствования от соседей, а все остальные (“нормальные”) народы развивались на исключительно самобытной основе...

В этой связи вполне закономерно недоумение Н. Ф. Бугая: “Кому и с какой целью необходимо выяснять в современных условиях вопрос, кто такие русские, утверждать..., что вообще не существует такой нации, что она носит собирательный характер, и не возникает вопросов в таком же плане применительно к другим нациям?..” (Национальный вопрос в истории России. С. 277).

Ответом на подобные вопросы могут служить слова Патриарха Московского и всея Руси Кирилла: “Очень часто те, кто отрицает наши святыни и ценности, переносят свои чувства и на русский народ, являющийся главным творцом нашей цивилизации, носителем её идеалов. Эти силы словно пытаются поддержать всё, что может его ослабить, разделить, мировоззренчески и морально дезориентировать” (Литературная газета. 2013. № 44. С. 1).

* * *

В своём стремлении “дерусифицировать” русскую нацию иные идеологи радикального либерализма идут гораздо дальше “отцов-основателей” первого в мире социалистического государства. Наряду с чётко выраженным стремлением одних представителей либерального лагеря “переплавить” русский народ в денационализированное, утратившее этническое самосознание и представление о своих корнях месиво, другие взяли курс на раздробление “великодержавной нации” на максимальное количество “отдельных”, “самостоятельных” этносов, оптом наделяя таким статусом не только субэтнические (этнографические) группы русского народа, но и жителей ряда традиционно великорусских областей.

Результаты этих усилий налицо. Так, за Уралом с каждой переписью населения увеличивается число лиц, причисляющих себя к “сибирскому этносу” (теперь ведь, по российскому законодательству, каждый вправе произвольно определять свою национальную принадлежность). Ещё недавно они считали себя русскими, но теперь быть “сибиряком” — это для молодёжи стало просто “прикольно”, а для представителей более солидного возраста в последнее время усиленно разрабатываются “научные” теории, коими пытаются обосновать “коренное отличие” сибиряков от “москалей”.

По данным социологических опросов, проведённых в 2006 году в Иркутске и Братске, на вопрос “кем вы себя считаете — россиянином или сибиряком?” 80% респондентов ответили: “сибиряком”, а 25% высказались за государственную независимость Сибири. Дальше — больше. В январе 2012 года появилось сообщение, что общественным движением “Областная альтернатива Сибири” для студентов 5-го курса Сибирско-Американского факультета Иркутского госуниверситета был организован семинар на тему “Моделирование экономики государства Сибирь”. А в 2013 году в соцсети Facebook была создана группа “Проведение референдума по присоединению Сибири к США” и выражалась уверенность, что “Сибирь будет освобождена сибиряками с помощью США от российской оккупации”. Комментируя это событие, Т. И. Хорхордина пишет: “Пока заявления нынешних необластников не идут дальше слов. Однако их информационные атаки умножаются. Нельзя исключать, что их количество вполне может перерасти в качество” (см.: Исторические записки. М., Наука, 2014. [Вып.] 15. С. 215, 228).

Не последнюю роль в культивировании сибирского сепаратизма играют некоторые историки, в частности, Д. Н. Верхотуров, утверждающий, что право Сибири на выделение из состава России является неотъемлемым для сибиряков. Его сочинения, написанные в жанре псевдоисторического пасквиля и в своё время восторженно встреченные чеченскими сепаратистами (на сайте “Кавказ-Центр”), получили достойную оценку в книге К. Ю. Резникова, уличившего Верхотурова в откровенной лжи, прямых подлогах и русофобии (Резников К. Ю. Русская история: мифы и факты. М., 2012. С. 422, 429–430, 432). Там же подробно рассматривается проблема сибирского сепаратизма в целом. О том, насколько она стала серьёзной, можно судить по материалам и в периодике, и в интернете, и на телевидении. Приводимые сепаратистами “научные” обоснования выделения из русского народа “сибирского этноса” или, на худой конец, субэтноса (“особый сибирский язык”, “смешение в одном человеке самых разных национальностей” и т. п.) не выдерживают, конечно, никакой критики, а вот социально-экономические причины этого явления

очевидны. И это не только потеря “северных” надбавок и льгот: съездить в Китай или США для сибиряка часто оказывается дешевле, чем посетить Европейскую Россию. “Рвущиеся связи – транспортные, почтовые, социальные – подогревают сепаратистские идеи”, – пишет Александр Калинин (Литературная газета. 2013. № 40. С. 14). Он считает, что “государству нельзя было допускать бесконтрольную коммерциализацию таких социально значимых отраслей, к тому же отраслей-монополистов, как транспорт, энергетика, связь”, и, безусловно, прав, но анализ этих проблем выходит за рамки нашей темы.

Теми же причинами, по-видимому, можно отчасти объяснить и возникновение “уральского сепаратизма”. Но он во многом превзошёл сепаратизм сибирский, ибо “Уральская республика”, провозглашённая в 1993 году губернатором Свердловской области Э. Росселем, на несколько месяцев стала реальностью, даже обзавелась собственной валютой и стала втягивать в зону своего влияния управленческую элиту соседних областей не только Урала, но и Сибири. Активные сторонники реализации этого “проекта” и после отставки Росселя открыто обсуждают вопросы о “новых территориальных границах” планируемого детища, о “комплектации уральской республиканской армии” и т. д. (см.: Суть времени. 2013. № 13. С. 15).

Сложнее объяснить причины сепаратизма в “коренной России”, а он в ней обозначился, судя по данным СМИ, даже раньше, чем на Урале и в Сибири.

... 22 октября 1992 года в газете “Московский комсомолец” появился обширный материал с характерным заголовком “Кривич”. Посвящён он был главе парламентской фракции “Радикальные демократы” С. Юшенкову и знакомил читателей с его программой политического реформирования России. Планируемые им преобразования обосновывались следующим образом: “Тверь была самостоятельной, Владимир – независимым княжеством, Новгород – независимым народоправством... Отчего сегодня у этих земель нет своей государственности?.. Платон полагал идеальным государство с ограниченной территорией и 10-тысячным населением... У голландца больше шансов выбиться в послы или министры, или в национальную футбольную команду. И московская, и питерская, и тамбовская земля могли бы не только завязать собственный клубок связей с внешним миром, но и скорее лечить внутренние недуги, порождённые большим скопищем людей”.

После этих откровений уже не приходилось удивляться тому, как представил себя неделю спустя (28.10.92) телезрителям московского канала один из ведущих сотрудников “Московского комсомольца”, главный карикатурист А. Меринов: “Я русскоязычное лицо московской национальности”. А известный в прошлом либеральный политик, советник президента Ельцина по национальным (!) вопросам Г. В. Старовойтова, получившая от своих оппонентов титул “стратега раскола России” (см.: День. 1992. № 52. С. 7), настаивала на существовании особого “петербургского этноса” – на том основании, что у петербуржцев-де свой менталитет, в корне отличный от московского. Эти идеи вскоре воплотились в “движение ингерманландцев”, получившее распространение в Петербурге и Ленинградской области. Его сторонники не имеют генетических связей с коренным (финноязычным) населением этих мест, ставших российскими в XVIII веке, но стремятся, став жителями “свободной Ингрии”, двигаться в Европу вместе со всеми петербуржцами, считающими себя европейцами. Историк и публицист Григорий Миронов назвал идеологию таких “самостийников” самой абсурдной из всех возможных концепций, придуманных для разделения русского народа (URL: www.sputnikipogrom.com), и с этим трудно не согласиться.

“Ингерманландскую” логику, видимо, взяла на вооружение и поборники “калининградской идентичности”. Казалось бы, если в анклав Российской Федерации, возникшем на территории бывшей Восточной Пруссии всего лишь после Второй мировой войны, абсолютное большинство населения составляют русские, съехавшиеся из разных концов страны, то о какой этнической специфике региона может идти речь? Однако, как пишет доктор исторических наук, профессор В. Н. Шульгин, “у нас в университете на историческом факультете бывшие спеццы по истории КПСС теперь занимаются “проблемой калининградской идентичности”, убеждая, что здесь “русские уже не те”, что в Курске и Тамбове”. Шульгин уже давно пытается обратить внимание властей предрешающих на то, что в Калининградской области “в сознание университетской

и иной молодёжи вносятся бактерии сепаратизма, чувство гордыни и превознесения над русским народом под предлогом, что мы здесь “уже другие”, “лучшие”, в результате чего “ширится, развивается заболевание по имени калининградский сепаратизм”. Результатов эти обращения не имеют, и “под убаюкивающие мантры о “правах человека” осуществляется, по сути, дерусификация некоторых калининградских учреждений образования и культуры, изменение взглядов и устремлений молодёжи. Методично акцентируется внимание на “региональных особенностях”, упоминается благотворность “немецкого наследия” с целью превратить местных русских в представителей нового этноса или субэтноса...” (Литературная газета. 2011. № 30. С. 11; 2013. № 5. С. 9; 2016. № 12. С. 3).

* * *

Если “региональный сепаратизм” столь успешно возвращается на “пустом месте”, без серьёзных исторических, этнологических и культурологических оснований, то там, где для создания “новой этнической идентичности” есть хоть какая-то реальная зацепка, “дерусификация русских” приобретает гораздо больший размах и самые изощрённые формы. И самым наглядным тому примером стало “возрождение казачества”, начавшееся на рубеже 1980-х и 1990-х годов.

По данным современной науки, донские, уральские и терские казаки (то есть историческое ядро казачества России) – это потомки выходцев из разных социальных и этнических групп, самовольно поселявшихся в XV–XVII веках на Дону, Нижней Волге, Яике (Урале) и Тереке и объединявшихся там в самоуправляемые независимые воинские общины, которые к концу XVI века при всей этнической пестроте уже состояли, в основном, из русских людей, а в XIX – начале XX веков превратились, главным образом, в этнографические группы (субэтносы) русского народа. Эта точка зрения базируется на колоссальном по объёму документальном материале. Он неплохо сохранился в наших архивах и по большей части уже введён в научный оборот трудами нескольких поколений профессиональных историков и этнологов.

Однако активисты “казачьего возрождения” практически с первых своих шагов объявили казаков самостоятельным, “самобытным народом” и с тех пор в большинстве своём твёрдо стоят на этой позиции, отстаивают её в различных публикациях, выступлениях по радио и телевидению, “озвучивают” на семинарах и конференциях (включая те, что посвящены воспитанию казачьей молодёжи). Научно обоснованную точку зрения на происхождение и этническую природу казачества эти активисты объявляют “официальной”, “казённой”, не имеющей под собой никаких оснований, и противопоставляют ей свои представления о казачьей родословной, заключающиеся в стремлении, во-первых, максимально “удревнить” историю своих предков и, во-вторых, оторвать её от истории русского народа, часто изображая его и Россию в целом как извечных врагов казачества (см., например: Никитин В. Ф. Казачество: Нация или сословие. М., 2007).

Идеи эти не новы, они появились в казачьей среде ещё до 1917 года, практически полностью были реализованы в годы гражданской войны (когда были созданы “независимые государства” на Дону и на Кубани), отстаивались эмигрантами-“казакийцами” в 1920–1930-х годах и широко использовались иностранными спецслужбами, отражением чего явился, в частности, принятый Конгрессом США в 1956 году закон 86-90, согласно которому казачество считается одним из “порабощённых” Россией народов.

На какую же источниковую базу опираются ниспровергатели “официальной” концепции? А базы такой у них, собственно, и нет. Есть просто большое желание считать казаков “особым”, отдельным от русских этносом. “Доказательства” своим построениям они черпают, в первую очередь, в старых, порой 150-летней давности сочинениях, которые выходили из-под пера энтузиастов, не получивших исторического образования (прежде всего, казачьих “автономистов” и “сепаратистов” начала XX века) и в меру своих литературных талантов пытаются развивать их “теории”. Предков казаков они обычно выводят из некоего “казачьего народа”, якобы издревле обитавшего на Северном Кавказе и в Северном Причерноморье и даже участвовавшего в Троянской

войне (XIII век до н. э.) и оновашего Рим (Савельев Е. П. Древняя история казачества. М., 2007. С. 24).

Существование такого “народа” не подтверждается ни данными письменных источников, ни археологией, и, как заметил российский историк А. В. Беляков, “любые попытки удревить казачество в общепринятом ныне значении являются простой политической спекуляцией” (Беляков А. В. Чингисиды в России XV–XVII веков. Рязань, 2011. С. 170). И со своей стороны, заявляю со всей ответственностью, что ни одного факта или научно обоснованного довода, свидетельствовавшего бы о появлении казачества ранее XV века, никогда никем приведено не было и что сочинения, повторяющие на все лады “аргументы” в пользу “автохтонной теории” происхождения казачества, демонстрируют, прежде всего, крайнее невежество их авторов.

Тем не менее, они пользуются наибольшей популярностью у современно-го “возрождающегося” казачества, их идеи проникают в учебную литературу и порой даже в работы профессиональных историков – тех, кто далёк от изучения ранней истории казачества, – и заставляют считаться с собой даже его более образованных и прагматичных представителей. Показательна эволюция взглядов казачьих атаманов. Если первое время им были больше присущи высказывания типа: “Мы часть русского народа, и нечего тут мудрить”, то в дальнейшем и от атаманов всё чаще слышались рассуждения об особом “казачьем народе”, “казачьем этносе”. Примечательно, что на Дону, где казаки с 1996 года были расколоты на “реестровых” во главе с В. Водолацким и “общественников” во главе с Н. Козицыным, оба атамана, несмотря на все разногласия, оказались единодушны в том, что казак – это национальность, а казачество – самостоятельный, отдельный от русских народ. В этой связи не пришлось удивляться тому, что в решении Большого войскового круга, состоявшегося в Новочеркаске в ноябре 2001 года, было записано, что “казаки считают себя природою не от московских людей”, и выдвигалось требование разрешить в документах в графе “национальность” указывать “казак” (Независимая газета. 16.08.02; 30.09.02). Самые же радикальные поборники “казачьей идеи” своей главной целью вообще провозгласили создание на юге России “Казачьей Республики” или же “Союза Казачьих Республик” – либо автономного, либо вообще независимого “государственного образования”. В “лихие девяностые” они не раз пытались превратить свои планы в жизнь и по сей день не спешат отказываться от этих замыслов (см.: Бредихин А. В. Казачий сепаратизм на Юге России // Казачество. Альманах. 2016. № 14).

Поэтому в условиях “новой”, “демократической” реальности казачество стало желанным объектом для политических манипуляций и спекуляций идеологов расчленения России. Впрочем, не сразу. В конце 1980-х и начале 1990-х годов “либеральная общечеловечность” встретила “возрождение казачества” осторожно и даже враждебно. Надвигших старинную форму казачьих активистов называли и “ряжеными”, и “потомками поработителей”, и “шовинистами”, и “тёмной силой”. Напоминали о “казачьих нагайках”, предрекали в качестве ответной реакции “рост межнациональной напряжённости”. Вопросы: “Кому выгодно возрождение казачества, которое всегда было опорой правящего режима?”

Но вскоре в публичных комментариях либералов по “казачьему вопросу” возобладали иная, вполне комплиментарная тональность, и именно солидные “демократические” издания стали главной трибуной для “озвучивания” на всю страну идей о казачестве как особом, отличном от русского народа этносе. В одном хоре с ними, несмотря на давнюю неприязнь к казачеству (как “проводнику колониальной политики”), оказались и сепаратисты ряда северокавказских республик, тоже решившие разыграть “казачью карту”. Так, чеченский лидер Джохар Дудаев пытался привлечь казаков на защиту “независимой Ичкерии”, противопоставляя их России и русскому народу. А старейший российский журнал “Вокруг света” даже опустил до дешёвой подначки по поводу многовековой службы казаков государству Российскому: на его страницах служба эта, традиционно являвшаяся у казаков предметом особой гордости, была названа ... “лакейской”: “Лакейской жизнью живут – который уж век в услужении... Даже имя как народ потеряли! Слуги же” (1992. № 4–6. С. 51).

Логическим завершением этих пропагандистских акций стали заявления лидера “Партии народной свободы” (ПАРНАС) Михаила Касьянова в ходе предвыборной кампании (в Госдуму) в сентябре 2016 года. Бывший премьер-

министр Российской Федерации, вызвав свою солидарность с нынешними почитателями Петра Краснова и других казачьих коллаборационистов, воевавших на стороне Гитлера, призвал добиваться “признания казаков отдельным народом” (См.: URL: <http://maxpark.com/Русский мир/content/5432692>).

Не менее показательна и “поморская проблема”. В традиционном, опирающемся на научные данные представлении, поморы – это жители побережья Белого и Баренцева морей, ведущие начало от древних новгородских переселенцев, жившие морскими промыслами и давшие России немало выдающихся первопроходцев. Они, естественно, имели свои особенности материальной и духовной культуры, обусловленные спецификой хозяйственного уклада и географического положения, и учёный мир вполне обоснованно рассматривал поморов (как и казаков) в качестве историко-культурной (или территориально-культурной), этнографической группы (субэтноса) русского народа. Но грянула “перестройка”, и ситуация коренным образом изменилась. Всё большую силу стало набирать движение, ставящее своей целью добиться признания поморов “коренным народом Севера”, не связанным с русскими ни генетически, ни ментально.

Суть этой “концепции” такова. Поморы по своему происхождению не славяне, не русские, а финно-угорский этнос, подвергавшийся жестокой эксплуатации и ассимиляции со стороны “москалей”, которые его завоевали, давили, но до конца так и не добавили, и теперь он, наконец, получил возможность возродиться. Ареал расселения поморов при этом безмерно расширяется – либо на весь Север РФ вплоть до Урала, либо “всего лишь” на всю Архангельскую область. Делается упор на давние и дружественные поморо-норвежские связи, которые надо-де возрождать и всячески укреплять.

С научной точки зрения эта “концепция”, конечно же, не выдерживает критики, ибо не только не подтверждается историческими источниками, данными этнографии и фольклора, но решительно противоречит им. Однако такие “мелочи” не смущают адептов “поморской идентичности”. Ими вынашиваются планы создания “Поморской республики”, причём в начале 1990-х в Архангельске были популярны разговоры о возможности её отделения от России. Они, правда, быстро увяли, но зато стал деятельно создаваться (“воссоздаваться”) “поморский язык” – как “самостоятельный язык отдельного народа” – и уже выпускается “Словарь поморского языка”. Регулярно проводятся “Межрегиональные съезды поморов”. Активно разрабатывается методика “поморской этнической педагогики”, направленной на “пробуждение у ребёнка этнического самосознания через постижение особенностей поморского характера”, и школьникам региона исподволь внушается, что они не русские.

И эти усилия не пропадают даром. В ходе общероссийской переписи населения в 2002 года национальность “помор” указали 6571 человек, но потенциально таковых было гораздо больше: стало известно, что многие жители Архангельской области “слишком поздно узнали” о легальной возможности такой идентификации и впоследствии горько сожалели, что не воспользовались ею. В 2004 году была официально зарегистрирована “Архангельская областная община коренного малочисленного народа поморов”. Словом, исходящие “сверху” инициативы по созданию на севере России нового (“поморского”) этноса находят явную поддержку “снизу”. Однако её причины вряд ли следует искать во внезапно пробудившемся у северян “этническом самосознании”, отторгающем русскую идентичность. Всё прозаичнее: быть русским в России часто просто не выгодно.

Дело в том, что в ходе “либеральных реформ” русское население Архангельской области лишилось прежних прав заниматься традиционными морскими промыслами, а также было сильно ограничено в лесопользовании, и это ставило поморские селения на грань вымирания. И поскольку живущие по соседству саамы и ненцы как “малые народы Севера” не только сохраняли права на преимущественное использование природных ресурсов, но и получали от государства дополнительные выплаты и компенсации, добиться от властей такого же статуса, превратившись в “особый этнос”, стало заветным желанием многих поморов (см.: Этнографическое обозрение. 2009. № 4. С. 3–17; Литературная газета. 2013. № 29. С. 12).

Примечательно, что инициаторами и организаторами борьбы за “поморскую идентичность” явились преимущественно лица, не связанные с настоящими поморами ни происхождением, ни местом жительства. Это были, главным

образом, преподаватели местных вузов, не блестящие, мягко говоря, познаниями в области истории и этнологии, но пользующиеся покровительством архангельской администрации и ощутимой поддержкой (как моральной, так и материальной) “арктических стран” и, прежде всего, Норвегии. А в Москве их деятельность встретила полное одобрение “правозащитников” и ряда видных деятелей “несистемной” оппозиции. . .

Причины такой поддержки лежат на поверхности. По словам А. С. Ципко, либералы начала 1990-х годов были убеждены, “что и русское Православие, и русское государственничество, и русские духовные ценности несовместимы с идеей демократии и свободы личности” (Литературная газета. 2011. № 50. С. 3). И, видимо, потому в те времена, как заметил писатель И. Волгин, считалось, что “быть сепаратистом – почётно, быть государственнымиком – ретроградно” (Комсомольская правда. 26.11.91).

С тех пор взгляды большинства представителей нашей “радикал-демократии” по “русскому вопросу” не претерпели принципиальных изменений, а лишь находили всё новых и новых сторонников. Известный культуролог И. Г. Яковенко, опираясь на мнение одного из ныне малоизвестных этнографов (Д. К. Зеленина), высказанное в 20-х годах XX века и опровергнутое последующими исследованиями, пришёл к заключению, что лишь по недоразумению русские считаются одним народом. “На самом деле”, они, оказывается, состоят по меньшей мере из двух, издавна противостоящих друг другу этносов – севернорусского (“окающего”) и южнорусского (“акающего”). А потому-де весьма вероятен скорый распад России как на северный и южный регионы, так и отделение от неё прочих: казачьего, сибирского, петербургско-новгородского, поволжского, северокавказского, и это, “если отрешиться от имперской паранойи”, надо будет признать отвечающим нашим национальным интересам (Независимая газета. Приложение “НГ-сценарии”. 1999. № 10. С. 6).

А. А. Широпаев – поэт, публицист, позиционирующий себя как идеолог западного пути развития, – предлагает русским “стать новым народом”. Для этого, по Широпаеву, надо, “прежде всего, снять ментальную установку на “великую страну” с центром в Москве” и пойти на “создание в составе федерации нескольких, предположительно семи русских республик на основе регионального и субэтнического самосознания”. Широпаев допускает, что “в перспективе это приведёт к возникновению даже нескольких русских политических наций”, но, по его мнению, такое решение “русского вопроса” будет иметь сугубо позитивные последствия, поскольку предполагает “развитие и укрепление либеральной демократии и гражданского общества”, означая “западный цивилизационный выбор”, который и поможет нам “стать достойной частью цивилизованного мира” (Литературная газета. 2012. № 52. С. 3).

Однако большинство публичных борбников “западного пути” свойственны гораздо более радикальные (и более откровенные) взгляды на способы решения “русского вопроса”. Так, Валерия Новодворская будущее России связывала “со снижением тотальной мощи государства, с дальнейшей дезинтеграцией территории” и с образованием на месте России множества небольших государств, в которых “национал-патриотам” станет негде “разгуляться” и которые будут легче поворачиваться “к солнцу мондиализма” (см: Вдовин А. И. Российская нация. 2-е изд. М., 1996. С. 178).

“Я, честно говоря, не вижу особой проблемы, если Россия разделится по Уральскому хребту”, – заявила 15 октября 2013 года в передаче “Особое мнение” на “Эхе Москвы” Евгения Альбац. Не видит ничего страшного в разделе России на части и Юлия Латынина: она уверена, что тогда “в некотором количестве частей России началась бы нормальная жизнь” (URL: www.echo.msk.ru).

Дмитрий Быков призывает россиян “привыкать жить с независимым Кавказом, независимой Сибирью, независимым Дальним Востоком”, а Олег Кашин видит “будущую великую Россию” вообще лишь в пределах “от Смоленска до Владимира” и уже воспринимает как “потенциально новые столицы других государств” такие города, как Новосибирск, Екатеринбург, Омск. . . (см.: Литературная газета. 2013. № 6. С. 12).

Валерий Панюшкин убеждён, что “всем на свете стало бы легче, если бы русская нация прекратилась. Самим русским стало бы легче, если бы завтра не надо было больше складывать собою национальное государство, а можно было бы превратиться в малый народ наподобие води, хантов или аварцев” (URL: http://stihiya.org>news_1235.html).

А в апреле 2018 года в Вильнюсе на очередном форуме движения “Свободная Россия”, объединяющем столпы российского либерализма из “несистемной оппозиции”, вопрос о будущем расчленении нашей страны уже рассматривался как нечто очевидное и не подлежащее сомнению. Правда, единого подхода к идеологическому обоснованию и путям реализации этого “проекта” выработано не было. “Дипломатичный” Гарри Каспаров призывал “демократически настроенных россиян” отнестись к плану развала своей страны с пониманием и ссылаясь на примеры из новейшей истории: дважды — в 1917 и 1991 годах — крушение авторитарного режима в России сопровождалось её разрушением, а потому во имя нового торжества демократии надо-де быть готовыми опять принести свою страну в жертву. А вот Аркадий Бабченко в своей реплике относительно уготованного России будущего был более конкретен и циничен: “Для меня самым оптимальным вариантом на месте этого гигантского кровавого монстра было бы 10 удельных княжеств, которые занимались бы внутренними разборками, которые бы там воевали друг с другом, а дальше, за поребрик, больше бы не лезли. Вот меня бы это устроило вполне. После этого я бы закончил свою оппозиционную военно-корреспондентскую деятельность” (URL: <https://www.rubaltic.ru/article/politika-i-obshchestvo/04122017>).

Подобные высказывания, конечно, не остаются без соответствующей реакции со стороны противников “радикального либерализма”. “Коллективный портрет” таких “заражённых” нарисовал О. М. Попцов — видный журналист, писатель, успешный общественно-политический деятель “ельцинской эпохи” (известный, прежде всего, как “создатель нового российского телевидения”) и представитель *меньшинства* нашей либеральной элиты. Проанализировав полученную картину, он пришёл к следующему заключению: “Господин Бжезинский (бывший госсекретарь США. — Н. Н.) — хорошо информированный человек, и его предложения о расчленении России на четырнадцать самостоятельных государств неслучайны. Чтобы усилить Америку, надо ослабить Россию, а для этого следует запустить разрушающий вирус сепаратизма <...> Что ж, можно поздравить г-на Бжезинского: он обрёл послушных учеников на территории России” (Литературная газета. 2013. № 6. С. 12).

Разброс мнений по “русскому вопросу” в различных лагерях российской интеллигенции порой привлекает внимание и академического сообщества. Один из его представителей — крупный философ, академик РАН В. С. Степин, — в связи с призывами радикально настроенных либералов расчленить РФ на несколько десятков маленьких “демократических” государств, задаёт закономерный вопрос: почему ратующие за такое расчленение уверены, что оно приведёт к возникновению множества Швейцарий, Люксембургов и Монако, а не Карабахов и Приднестровий? (Степин В. С. Цивилизация и культура. СПб, 2011. С. 363).

* * *

Подведём и мы некоторые итоги своих наблюдений. Вряд ли сторонники превращения России в конгломерат мелких “суверенных” государств настолько наивны, чтобы всерьёз рассчитывать на получение в них министерских портфелей, и вряд ли идеологов распада России вообще интересуют судьбы тех, кто при реализации сепаратистских идей окажутся гражданами “новых независимых республик”. Судя по всему, главное в этих планах — желание поскорее, любой ценой покончить с “русским великодержавным шовинизмом” (вспомним В. Новодворскую): не будет “великой державы”, не будет и производного от неё “изма”, а раздробление сил “идейного противника” облегчит радикальную “либерализацию всей страны”. Трудно ведь, согласитесь, одним махом “реформировать” такую громадину, как Россия, куда легче — “демократизировать” её по частям (именно так, вспомнив известную притчу “о венике”, объяснял своё желание поскорее развалить Россию один из молодых “либералов” на Ленинградском ТВ 8 августа 1991 года). И разделение русского народа на несколько “самостоятельных этносов” было бы для такого рода “реформаторов” весьма кстати. Что же касается России, то, как мы видели, сама по себе она не является для нашей “радикал-демократии” самостоятельной ценностью, как не являлась ею столетие назад и для нашей

“социал-демократии” — для тех, кто рассматривал свою страну лишь как “охапку хвороста для костра мировой революции”...

Вспоминается фильм Веры Кузьминой “Убить русского в себе”, впервые показанный на ТВЦ 11 ноября 2009 года. В нём речь шла о применении к нашей стране “стратегии анаконды”, предусматривающей оттеснение России от морей и “переваривание” её по частям, “создавая” на российской территории всё новые и новые “этноты”. Зарубежных разработчиков такой доктрины, видимо, вдохновляет успешная реализация “украинского проекта”. Но мы не будем вдаваться во внешнеполитические аспекты проблемы — давно уже не скрываемую нашими зарубежными (прежде всего, западными) “партнёрами” заинтересованность в раздроблении России. И не только потому, что это особая и давно обсуждаемая в СМИ тема. Какие бы планы “коварный” Запад (или Восток) ни вынашивал в отношении нашей страны, они не будут иметь успеха без их совпадения с настроениями *внутри* российского общества. И потому пускать формирование общественного мнения в “русском вопросе” на самотёк было бы серьёзной политической ошибкой. А ведь такого рода ошибки, как известно ещё с наполеоновских времён, — “больше, чем преступление”...